

Протоиерей
ВАЛЕНТИН
Свенцицкий

ДИАЛОГИ

Валентин Свенцицкий

Диалоги

«Благовест»

2014

Свенцицкий В. П.

Диалоги / В. П. Свенцицкий — «Благовест», 2014

Протоиерей Валентин Свенцицкий (1881–1931) – выдающийся проповедник Русской Церкви. Одно из его наиболее значительных сочинений «Диалоги» написано в классической форме диалогов между неверующим интеллигентом и православным священником, разъясняющим основы веры. Книга неоднократно переиздавалась и была популярна среди образованной молодежи. Проблемы, освещенные в этом произведении, будут интересны и современному читателю.

© Свенцицкий В. П., 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Предисловие	6
Диалог первый	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Диалоги

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС 13-317-2347)

Предисловие

Протоиерей Валентин Свенцицкий родился в 1881 году в Казани, в дворянской семье. Отец его был католиком, воспитанием в православной вере обязан бабушке по материнской линии, Юлии Холгоненко. С 1895 года Валентин жил с семьей в Москве, где получил классическое образование, позволившее ему поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

Валентин Свенцицкий был одним из основателей Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (как формы легализации Христианского братства борьбы), куда вошли многие видные представители московской интеллигенции.

Уже тогда начал проявляться ораторский дар будущего пастыря – его выступления пользовались огромной популярностью и собирали множество слушателей.

В этот период В. П. Свенцицкий сотрудничает с редакциями сборников «Свободная совесть» и «Вопросы религии», регулярно публикуется в журнале «Новая земля», пишет литературоведческие статьи и художественные произведения, в которых заметно влияние творчества Ф. М. Достоевского. Многогранный талант молодого мыслителя не остался незамеченным образованными кругами московского и петербургского общества.

Увлечшись духовными исканиями, Свенцицкий пишет два философских романа: «Второе распятие Христа» и «Антихрист (Записки странного человека)». Епископ Анастасий (Грибановский) и будущий игумен Иоанн Селецкий (духовный отец прот. Владимира Воробьева) считали роман «Антихрист» замечательным; в течение года было продано 2 тиража издания.

Переживая острый духовный кризис, Свенцицкий странствовал по территории Российской Империи. Он смог переосмыслить всю свою предыдущую жизнь, преодолеть внутренний разлад.

Летом 1914 года Свенцицкий ездил на Кавказ. Под впечатлением от встреч с монахами-отшельниками он пишет в 1915 году книгу «Граждане неба. Мое путешествие к пустыникам Кавказских гор».

Подлинным откровением для Валентина Павловича явилось общение с великим оптинским старцем, иеросхимонахом Анатолием (Потаповым), ставшим с 1898 года его духовным отцом. По благословению старца будущий пастырь творит непрестанную молитву и другие духовные дела, свойственные в основном монашеству, а впоследствии принимает священный сан и тем самым добровольно встает на путь исповедничества.

В годы гражданской войны отец Валентин примкнул к Белому движению, проповедовал на фронтах. В 1919 г. он пишет брошюры «Общее положение России и задачи Добровольческой армии» и «Война и Церковь», где открыто призывает к сопротивлению злу большевизма силой.

По окончании Гражданской войны отец Валентин остался в разоренной России.

Горячий сторонник Патриарха Тихона, он бросает все силы на борьбу с обновленческим расколом. После проповеди в Крестовоздвиженском храме, обличающей связь обновленчества и советской власти, отец Валентин был выслан на несколько лет в Среднюю Азию, где продолжил трудиться на пастырском поприще.

В конце 1924 года он вернулся в Москву и служил сначала в храме сщмч. Панкратия на Сретенке, а потом был переведен в храм свт. Николая на Ильинке, где стал настоятелем. Вокруг него сплотилась небольшая, но крепкая община. Отец Валентин ввел регулярную индивидуальную исповедь, частое причащение Святых Христовых Тайн и наставлял своих чад на особый путь духовного совершенствования, который назвал «монастырем в миру».

В январе 1928 года отец Валентин, на протяжении многих лет боровшийся с безбожной властью, не смог признать декларации заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и порвал каноническое и молитвенное общение с ним.

В 1928 году по обвинению в нелояльности к советской власти протоиерей Валентин был сослан в Сибирь на поселение. Именно там он пишет книгу «Диалоги», явившуюся венцом его пастырской и литературной деятельности.

В 1931 году, смертельно больной, он направил покаянное письмо митрополиту Сергию.

Получив прощение, 7/20 октября 1931 года отец Валентин скончался в больнице г. Канск (Красноярский край). Гроб был перевезен в Москву, и на заупокойном богослужении, состоявшемся на 20-й день после кончины пастыря, присутствующие с благоговением увидели, что тление не коснулось его тела.

Отец Валентин был похоронен на Пятницком кладбище, а в 1940 году его останки были перенесены на Введенское, куда по сей день приходят верующие, чтобы почтить память пастыря и мученика.

Книга «Диалоги» неоднократно переиздавалась и была популярна среди образованной молодежи, в том числе учащихся духовных учебных заведений. Избранная автором форма диалога использовалась уже в античности. Согласно традиции, диалог ведется между мудрецом (в данном случае Духовником) и профаном (в «Диалогах» Свенцицкого – Неизвестным). Духовник, собирательный образ православного священника, отвечает на вопросы неверующего интеллигента Неизвестного и постепенно приводит его к православной вере.

Оба персонажа – и Духовник, и Неизвестный – описаны с большой искренностью.

Отец Валентин, сам переживший в юности тяжелый опыт духовных исканий, глубоко понимал трагедию утраты веры и уже как добрый пастырь мог указать путь к свету Христову.

Многие годы эта книга помогала молодым людям, в числе которых было немало будущих священнослужителей, укрепиться в вере, преодолеть сомнения, неизбежные на пути духовного делания. Сейчас ее также можно рекомендовать воцерковляющимся христианам, вслед за первым восторгом неопфита ощутившим конфликт веры и рассудка.

Мария Сеньчукова

Диалог первый О бессмертии

Неизвестный. Я пришел к тебе не исповедоваться. Мне просто надо поговорить с тобой. Но, может быть, это невозможно?

Духовник. Почему?

Неизвестный. Да видишь ли, я хочу говорить о вере, но сам человек совершенно неверующий.

Духовник. Зачем же тогда говорить со мной?

Неизвестный. Ты разрешишь мне на этот вопрос ответить откровенно?

Духовник. Да.

Неизвестный. Я не только не верую, я не могу себе и представить, как можно верить при современном состоянии науки. Мне хочется понять: что, в конце концов, стоит за верованием образованных людей, которых нельзя назвать заведомыми обманщиками? Я решил, если ты не откажешься, поговорить с тобой с глазу на глаз и, так сказать, начистоту – в чем же тут дело?

Духовник. Я нисколько не сомневаюсь в истинности своей веры и готов защищать ее.

Неизвестный. Прекрасно. Но вот еще что: о чем я могу с тобой говорить? Все ли вопросы ты считаешь возможным обсуждать с человеком неверующим и совершенно тебе неизвестным?

Духовник. Говори обо всем, что найдешь нужным.

Неизвестный. Я, прежде всего, хотел бы говорить о бессмертии. Назначь мне время, когда ты будешь свободен.

Духовник. Говори сейчас.

Неизвестный. Я боюсь, что наш разговор затянется.

Духовник. Тогда мы продолжим его в другой раз.

Неизвестный. Хорошо. Только не требуй от меня последовательности. Я буду говорить так, как думаю, когда остаюсь один...

Бессмертие? Что это такое? Жизнь после смерти. Кто же будет жить? Кто-то или что-то во мне находящееся, что не исчезает после уничтожения моего тела? Если меня бросят в огонь, от моего тела – мозга, сердца, костей – останется горсть пепла. И вот я должен почему-то верить, что я все-таки где-то буду продолжать свое существование. Какие основания для этой веры? Не простое ли желание вечно жить и боязнь уничтожения? Мой разум отказывается представить себе какое бы то ни было бытие без материальной основы. Я не могу рассматривать человека как видимый футляр, в котором помещается невидимая душа. Футляр сломался. Его можно сжечь, а душу вынуть и положить в другое место? И что значит это другое место? Оно будет занимать некоторое пространство? Или эта таинственная, бессмертная душа не только невидима, но еще и «беспространственна»? Что же она такое? Для меня она абсолютная бессмыслица. И какие основания могут заставить мой разум «поверить» в эту бессмыслицу?.. На этом я пока остановлюсь.

Духовник. Прежде чем ответить на твой вопрос: «Какие основания для этой веры?», попробуем рассмотреть, такая ли уж это «абсолютная бессмыслица» для твоего разума, как кажется с первого взгляда. Возьми чисто физическую область. Брошенный камень падает на землю. Это видят все. И все знают, что причина падения камня – притяжение Земли. Но никто эту силу, именуемую притяжением, не видит.

Неизвестный. Что же общего у силы с душой? Чтобы сила действовала, нужна материальная среда. А вы считаете, что душа может существовать без тела, т. е. безо всякой материальной среды.

Духовник. Совершенно верно. Я и говорю тебе, что беру область чисто физическую. Естественно, что здесь явления могут быть только в материальной среде. Я хочу указать тебе, что и в области физической возможны различные свойства бытия, – вот, например, силы не имеют всех свойств материи, их не видно. Видны лишь *действия* сил.

Неизвестный. Да, конечно. Свойства сил и материи различны, но это сравнение неубедительно для вопроса о возможности существования души вне тела. Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме – должна уничтожиться и *вся жизнь*. Значит, никакой «души» остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психологические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления «душевной» жизни есть простые следствия тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?

Духовник. Доказывают, но не совсем то. Они доказывают, что душа, соединяясь с веществом, находится с ним в некотором взаимодействии и для своего выражения в вещественном мире требует определенных материальных условий. Это лучше всего опять-таки пояснить примером из физической области. Возьми электрическую энергию и электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка погасла. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует *вне* лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та «энергия», которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, – например, ту или иную часть мозга, – душевная жизнь не сможет *выражать себя* или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть *твоя душа* или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что погасшая электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же.

Неизвестный. Но ведь существование электрической энергии доказывается не только горячей электрической лампочкой, а и множеством других опытов. Чем же доказывается бытие души?

Духовник. Подожди. Об этом позже. Пока мы говорим только о том, можно ли считать «абсолютной бессмыслицей» для разума какое бы то ни было бытие без материальной основы.

Затем я должен тебя спросить: считается ли элементарный рассудок, который больше всего и препятствует вере, – считается ли он с научным представлением о материи? Ведь по этому научному представлению, материя совсем не то, что ты видишь. Разве ты видишь непрерывно движущиеся атомы, которые составляют неподвижную для глаз материю? Разве ты видишь множество движущихся электронов в недрах этих движущихся атомов? И можешь ли отнестись без всякого внимания к указаниям философии, что, постигая вещественный мир, ты постигаешь лишь те «субъективные состояния своего сознания», которые зависят от твоих внешних чувств, а потому о сущности самого вещества ты ничего не можешь знать. Будь у тебя иные органы зрения, иные органы слуха, осязания и вкуса – весь мир представлялся бы тебе иным. Можешь ли ты совершенно откинуть указания философии и на то, что пространство и время есть не что иное, как категории твоего разума. Если принять в соображение все это, не

покажется ли тебе вопрос о «материи» столь сложным, что совершенно невозможным сделается упрощение его до грубого и уж совсем ненаучного материализма?

Неизвестный. Допускаю, что это так. Но какие отсюда ты делаешь выводы?

Духовник. Пока выводы очень незначительны. Я утверждаю, что о сущности материи мы знаем гораздо меньше, чем думаем, и что явления совершенно несомненные дают нам основания не считать обычное вещественное бытие, постигаемое пятью внешними чувствами, единственно возможной формой материального бытия вообще.

Неизвестный. Но из этого нельзя же сделать вывод о существовании такого бытия, как «душа».

Духовник. Разумеется. И я такого вывода пока не делаю. Больше того, я должен сказать тебе, что если бы даже в окружающей жизни действительно не было никаких признаков бытия без материальной основы, то одно это ни в коем случае не решало бы вопроса, может ли существовать такое бытие. Мы облечены в материальную *форму*, все наши органы подчинены материальным законам. И нет ничего удивительного, что этим мы постигаем лишь то, что имеет материальную основу.

Но будем рассуждать дальше. Какие же основания для нашей веры в бессмертие? Можно ли бессмертие доказать? Ведь я понял тебя правильно? Ты ставишь вопрос именно так?

Неизвестный. Да.

Духовник. Что ты разумеешь под словом «доказательства»?

Неизвестный. Под словом «доказательства» я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии, какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с «того света» были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти тела, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое – логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неверия. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно. Но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты не менее нуждаются для тебя в доказательствах, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из факта. Но из факта для тебя несомненного – из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево, а тебе докажут путем логических доводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли тогда: «Неправда – оно есть»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь избираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты «видишь» и в чем ты «не сомневаешься». Затем условно встаю на точку зрения «отрицателя бессмертия». Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, – «бессмыслица», на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: «Неправда, существует – я это знаю»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Но тогда тебе придется отказаться от основного моего положения, допущенного условно, – от отрицания бессмертия.

Неизвестный. Все это для меня не совсем ясно.

Духовник. Тебе станет ясно из дальнейшего.

А теперь скажи мне, признаешь ли ты в человеке свободную волю?

Неизвестный. Конечно, признаю.

Духовник. Признаешь ли ты какое-либо моральное различие в поступках людей, т. е. одни поступки считаешь хорошими, другие дурными?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Признаешь ли ты какой-нибудь смысл в своем существовании?

Неизвестный. Да, признаю. Но оставляю за собой право этот смысл видеть в том, что мне кажется смыслом. Для меня он в одном, для других может быть совершенно в другом.

Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными фактами для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты «видишь», во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Не сомневаюсь.

Духовник. Теперь, на время, я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что «несомненное» для тебя – на самом деле бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки – скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но, если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы, т. е. мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да.

Духовник. Так начнем рассуждать. Перед нами вопрос о свободе воли. Что разумеется под этим понятием? Очевидно, такое начало, действия которого не определяются какой-то причиной, из которой они неизбежно вытекают, а само определяет эти действия, являясь их первопричиной. Воля человека начинает ряд причинно обусловленных явлений, сама оставаясь свободной, т. е. причиной не обусловленной. Ты согласен, что я верно определяю понятие свободы воли?

Неизвестный. Да.

Духовник. Можем ли мы признать существование такого начала? Разумеется, нет. Для нас, материалистов, понятие «свободы» – вопиющая бессмыслица, и наш разум никаких иных действий, кроме причинно обусловленных, представить себе не может. Ведь мир состоит из различной комбинации атомов и электронов. Никакого иного бытия, кроме материального, нет. Человек не составляет исключения. И он своеобразная комбинация тех же атомов. Человеческое тело и человеческий мозг можно разложить на определенное количество химических веществ. В смысле вещественности нет никакого различия между живым организмом и так называемой неодушевленной вещью. А мир вещественный подчинен определенным законам, из которых один из основных – закон причинности. В этом вещественном мире нет никаких бессмысленных и нелепых понятий «свободных» действий. Шар катится, когда мы его толкнем. И он не может катиться без этого толчка и не может не катиться, когда толчок дан. И он был бы смешон, если бы, имея сознание, стал бы уверять, что катится по своей свободной воле и что толчок – это его свободное желание. Он не более чем шар, который катится в зависимо-

сти от тех или иных толчков и который, будучи вещью, напрасно воображает себя каким-то «свободным» существом.

Все сказанное может быть заключено в следующий, логически неизбежный, ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек – только материальная частица. Если человек – только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по этим же законам. Если материальный мир не знает свободных, «беспричинных» явлений, то и воля человека не может быть свободной и сама должна быть причинно обусловленной.

Итак, свободы воли не существует. Ты согласен, что я рассуждаю строго логически?

Неизвестный. Да.

Духовник. Ты согласен с этим выводом?

Неизвестный. Нет, конечно, не согласен. Я чувствую свою свободу.

Духовник. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о хороших и дурных поступках. Один человек отдал последний кусок хлеба голодному. Другой отнял последний кусок у голодного. Признаешь ли ты нравственное различие этих двух поступков?

Неизвестный. Признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакого морального различия между этими поступками нет, потому что вообще понятия добра и зла – полнейшая бессмыслица. Мы уже показали бессмысленность понятия свободы воли в вещественном мире. Такою же бессмыслицей мы должны признать и понятия добра и зла. Как можно говорить о нравственном поведении шара, который двигается, когда его толкают, и останавливается, когда встречает препятствие? Если каждое явление причинно обусловлено, то в нравственном смысле они безразличны. Понятия добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие не зависят от того лица, которое их совершает?

Представь себе автомат, который делает только те движения, которые обуславливает заведенная пружина, – разве ты скажешь, что автомат поступил нравственно или безнравственно, опустив руку? Он опустил руку, потому что не мог сделать иначе, потому что таковадвигающая его пружина, и поэтому его механические действия никакой моральной оценки иметь не могут.

Но чем же отличается живой человек от автомата? Только тем, что пружина автомата видна, а пружины живого человека не видно. Но как тот, так и другой – лишь кусочки вещества, и потому как тот, так и другой никаких иных действий, кроме механических, т. е. причинно обусловленных, производить не могут.

Все сказанное заключим опять в последовательный логический ряд: никакого иного мира, кроме вещественного, не существует. Если это так, то и человек – только частица вещества. Если он частица вещества, то подчинен законам вещественного мира. В вещественном мире все причинно обусловлено, потому и у человека нет свободной воли. Если у него нет свободной воли, то все его поступки, как механически неизбежные, в нравственном смысле безразличны. Итак, «добра» и «зла» в вещественном мире не существует. Ты согласен, что я рассуждаю совершенно логично?

Неизвестный. Да, я не заметил никакой ошибки в твоих рассуждениях.

Духовник. Значит, ты согласен с моими выводами?

Неизвестный. Нет, не согласен.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому что во мне есть нравственное чувство, и я никогда не соглашусь, что нет морального различия между подлым и благородным поступком.

Духовник. Очень хорошо. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о смысле жизни. Ты признаешь, что какой-то смысл жизни существует?

Неизвестный. Да, признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакой цели и никакого смысла у человеческой жизни нет, потому что ни о каком смысле не может быть речи там, где отрицается свобода воли и где вся жизнь рассматривается как цепь механических явлений. Когда ты говоришь: я протянул руку, чтобы взять стакан, – ты имеешь два факта, связанных между собой, как цель связывается со средством. Цель – взять стакан, средство – протянутая рука. И хотя ты, как частица вещества, лишен свободы воли, потому и цель твоя, и средство твое – все не более как механические явления, но все же, в известном смысле, можно сказать, что в движении твоей руки была цель. Если ты возьмешь всю свою жизнь в ее совокупности и поставишь вопрос о цели этих связанных друг с другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает ее «бесцельной». Отрицая бессмертие и признавая только вещественный мир, можно говорить о цели в самом ограниченном смысле – о цели отдельных поступков, всегда при этом памятуя, что каждый этот поступок есть не что иное, как механически обусловленное действие автомата. Ты согласен с этим?

Неизвестный. Нет, не согласен. Разве не может быть целью человеческой жизни такое возвышенное стремление, как счастье грядущих поколений?

Духовник. Не может быть. Во-первых, нет ничего возвышенного и нет ничего низменного, коль скоро все совершается одинаково несвободно, автоматически, по тем или иным законам вещества. Если один умирает за грядущее счастье людей, а другой предает их, то не потому, что один поступает возвышенно, а другой низко, – они поступают по-разному, как два разных автомата, у которых разные пружины, обуславливающие разные автоматические действия. Но если рассмотреть вопрос с другой стороны – с точки зрения условной целесообразности этих явлений, то никак эта «возвышенная цель» не может оправдать жизнь человеческую.

В самом деле, если человеческая жизнь не имеет цели, то почему эту цель может дать счастье грядущих поколений? Ведь жизнь каждого из представителей этих грядущих поколений также не имеет никакой цели. Каким образом может осмыслить жизнь человеческую счастье бессмысленно живущих людей? В какую бы даль ни отодвигали бессмыслицу и бесцельность, она не приобретает от этой дальности расстояния ни цели, ни смысла.

Неизвестный. Однако люди, совершенно отрицающие вечную жизнь, во имя этой цели жертвуют собой не на словах, а на деле. За пустой звук не отдашь свою жизнь.

Духовник. Во-первых, они отдают свою жизнь не почему-либо иному, как все по той же основной причине: так комбинируются атомы, так действует механическая причина, что иначе они поступить не могут. Но, конечно, оставаясь верным логике, мы должны назвать такую жертву совершенно бессмысленной. И если ты скажешь человеку: иди умирать за счастье людей, которые будут жить через несколько десятков лет, – он вправе ответить: а какое мне дело до счастья этих ни для чего не нужных людей, чтобы я отдал за них мою собственную жизнь?

Неизвестный. Ужасные выводы все-таки.

Духовник. Да, ужасные. Но их следует сделать неизбежно. И если ты не можешь их принять, чувствуешь их неправду, – ты должен отвергнуть основную посылку, т. е. отвергнуть отрицание бессмертия. Ведь эти выводы, в конце концов, гораздо бессмысленнее для твоего разума, чем признание бытия без материальной основы или «беспространственности» души.

Неизвестный. Да, конечно. Особенно трудно принять вывод об отсутствии смысла жизни. Так величественна история человечества, так много создано человеческим гением, так прекрасны произведения искусства, наконец, в своей жизни столько возвышенных стремлений, столько внутренней борьбы, столько страданий, что дикою кажется мысль о бесцельности всего этого. Но что меняется в этом вопросе при вере в бессмертие?

Духовник. Все меняется совершенно. Вечная жизнь, как нечто не имеющее предела и потому не нуждающееся для своего оправдания в чем-то последующем, может быть самодевлеющей целью и потому может осмыслить весь предшествующий ряд явлений, т. е. все конечные моменты земной жизни. Остановимся на этом подробнее. Со стороны формальной, земная жизнь человеческая есть последовательный ряд причин и следствий, который, с точки зрения целесообразности, может рассматриваться как ряд средств и целей. Например: я иду по улице, чтобы купить хлеб. Я совершаю ряд движений, которые являются средством для достижения цели – покупки хлеба. Какова цель покупки хлеба? Мне хочется есть, и я хочу утолить голод. Эта цель совершенно достаточна, чтобы дать смысл покупке хлеба. Но можно ли сказать: цель моей жизни – утолять голод? Такая цель не может оправдать жизнь, потому что конечное само определяется чем-то последующим, что является для него целью. Целью окончательной, дающей смысл всем предыдущим преходящим моментам может быть только то, что остается всегда и потому не нуждается в последующей цели как в своем оправдании.

Такая цель и есть жизнь вечная. В ней заключается смысл жизни земной.

Неизвестный. Как же ты определишь этот смысл? Для чего надо жить, если есть бессмертие?

Духовник. Ответ ясен и прост. Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная – и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния – будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна, а потому и ничтожна. При вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.

Неизвестный. Да, ответ ясен. Но сколько опять поднимается вопросов и недоумений! Зачем тогда рождаются идиоты? Какой смысл в рождении сейчас же умирающих младенцев? И прочее, и прочее, и прочее...

Духовник. Да, много есть вопросов, на которые мы не можем ответить, потому что многое нам не открыто в Божественном откровении и для человеческого разума, без высшего откровения, недоступно. Но разве на все вопросы могут ответить признающие только вещественный мир и разве все явления для них понятны? Однако это не заставляет тебя сомневаться в том, что ты считаешь основными истинами о веществе. Так же и здесь. Если на какой-либо вопрос мы не имеем ответа – это несколько не должно нас смущать, коль скоро мы поняли главное: что мир имеет потустороннее бытие, кроме видимого вещественного, и человек, кроме тела, имеет бессмертную душу. Что же касается твоих вопросов о младенцах и идиотах, то они до некоторой степени могут быть объяснены нами. Мы знаем, каков смысл жизни у человека, живущего на земле. Но совершенно не знаем, и это тайна Премудрости Божией, зачем нужно, чтобы он родился, зачем нужно соединение души и тела. Очевидно, самое соединение это является необходимым условием той вечной жизни, которую даровал людям Господь. Если так, то и младенцы, и идиоты – это условие имеют как вечной жизни участники. И этим уже оправдывается явление их на свет. Неведомо только нам, почему процесс жизни земной для одних душ нужен полностью, для других вовсе не нужен, и они умирают, лишь облекшись в материальную форму, третьи, наконец, такие, как идиоты, должны понести физическое возрастание, имея душу, совершенно загражденную слабостью разума.

Неизвестный. Еще вопрос. Если смысл жизни где-то там, на небесах, то все здешнее делается безразличным. Зачем бороться со злом? Терпи.

Умрешь – там будешь блаженствовать. Но против перенесения смысла жизни в загробную область во мне протестует мое право на жизнь здесь, на земле.

Духовник. То, что ты говоришь, – это ходячее и совершенно ложное обвинение. Напротив, вера в бессмертие вливает энергию в борьбу со злом. Человек – не кусок материи, который сгниет, а нечто, имеющее великую ценность, потому что он является носителем вечного бессмертного начала. Поэтому все существо верующего человека охватывает желание бороться с тем, что калечит и губит эту вечную ценность.

Верующему человеку настолько же больше смысла бороться со злом, чем человеку неверующему, насколько вечность больше краткого мгновения земной жизни. Если неверующие люди, для которых человек не более как кусок материи, живущий неизвестно зачем 50–60 лет и потом распадающийся на составные элементы, борются со злом, то как же должен бороться с ним тот, для кого человек имеет вечную, бессмертную душу.

Неизвестный. Все это так сложно, так отвлеченно и так трудно понять.

Духовник. Простота неверия кажущаяся. Неверующие люди поступают недобросовестно. Они отрицают бессмертие и этим освобождают себя от тех нравственных обязательств, которые возлагает на человека религия. Неверие дает им простор в удовлетворении страстей, и безудержный эгоизм становится главной движущей силой. Но, освободив себе путь для эгоистической жизни, они в то же время не хотят сделать всех выводов, к которым их обязывает неверие. Если бы они эти выводы сделали добросовестно, получился бы такой ужас, что им ничего другого не осталось бы, как бежать от своего неверия и искать спасения от безнадежного отчаяния в религии. Вместо этого они предпочитают грубый самообман. Они продолжают употреблять слова, не имеющие в их устах решительно никакого смысла: «свобода», «добро», «зло», «цель жизни», и этими словами спасают себя от ужаса неизбежных выводов неверия. Но эти слова чужие. Только религия дает им действительное содержание. Самообман ловкий, очень удобный, но не прочный. Отвергнув религию, потому что так удобнее, и позаимствовав от нее слова, на которые не имеет права, потому что так тоже удобнее, – неверие не может удовлетворить человеческую совесть. Она непременно скажет более или менее слышно, что сказал ты: я чувствую свободу воли. Значит, человек не вещь. Я чувствую различие добра и зла. Значит, есть не только вещественный мир. Я чувствую смысл жизни. Значит, неверие – ложь. Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину. Не рассудок, а сама душа знает и таинственное непостижимое начало свободы, которая дарована ей, и коренное различие добра и зла, и высший, вечный смысл человеческой жизни. Потому и можно сказать положительно: добросовестное неверие всегда приводит к вере.

Неизвестный. А что, если окажется легче принять ужас, чем веру? Что, если ты меня убедишь, что «свобода», «добро» и «зло», «смысл жизни» – чужие слова, и надо выбирать: или полный отказ от этих слов и признание всех ужасающих выводов последовательного неверия, или право на эти слова и вместе с тем религиозную их основу. И что, если при такой постановке вопроса я не смогу выбрать второе и выберу все-таки первое, как ты тогда будешь убеждать меня в истинности своей веры?

Духовник. Тогда я не буду убеждать тебя вовсе.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Один великий человек сказал, что абсолютная истина и абсолютная нелепость одинаково не требуют доказательств.

Неизвестный. Как не требуют? Выводы, к которым пришел ты в своих рассуждениях, ужасны, – но нельзя заставить себя «веровать» из страха перед неизбежностью принять их. Твои рассуждения могут привести человека к такому безнадежному решению: ничего, кроме материи, не существует. Я в этом убежден. Из этого следует, что человек автомат, добра и зла не существует и жизнь человеческая не имеет никакого смысла. Это ужасно. Но пусть так. Если

эти выводы неизбежны, я принимаю и эти выводы. Что можешь сказать ты такому человеку в защиту веры, чем опровергнешь его неверие? Неужели, по-твоему, с таким человеком просто не стоит разговаривать?

Духовник. Нет, ты не понял меня. В конечном итоге вера и неверие логически одинаково недоказуемы. Что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, – тут «логика» бессильна. такому человеку можно помочь иным путем. Ему не надо доказывать, а надо раскрыть положительное содержание истины. И если непосредственное чувство подскажет ему, что это действительно истина, – он ее примет.

Неизвестный. Какого метода ты будешь держаться со мной?

Духовник. И того, и другого. Говоря о бессмертии, я пользовался логическим методом, потому что ты обещал мне в случае явно нелепых выводов остаться при своих убеждениях о свободе воли, добре и зле и смысле жизни и отказаться от неверия в бессмертие как основной посылки. Что же касается всех наших разговоров в их совокупности, я надеюсь, что они дадут то, что достигается вторым методом, т. е. раскроют перед тобой самое содержание истины. Но это дело будущего. А теперь вернемся к нашим рассуждениям и подведем итог сказанному.

Неизвестный. Хорошо. Подводи итог, но потом я должен сказать тебе еще нечто.

Духовник. Прекрасно. Итак, рассмотрение веры в бессмертие нас привело к следующим выводам. Во-первых, вера в бессмертие не так противоречит разуму, как кажется с первого взгляда, потому что и в материальном мире есть явления, не вполне совпадающие с обычным нашим представлением о веществе. Во-вторых, условно допустив истинность отрицания всякого бытия, кроме вещественного, мы пришли к целому ряду логически неизбежных нелепых выводов – как отрицание свободы воли, различия добра и зла и смысла жизни. В-третьих, эти нелепые выводы, противоречащие непосредственным и несомненным данным нашего сознания, заставили нас отвергнуть основную посылку, из которой они вытекали, т. е. наше утверждение, что никакого иного мира, кроме вещественного, не существует, и человек является лишь частицей этого вещественного мира.

Неизвестный. Да, правильно. Только последнее я бы не мог принять в столь категорической форме. Я бы сказал так: эти выводы поставили под сомнение истинность основной посылки о том, что человек только частица вещества.

Духовник. Пусть для тебя это будет так – твое субъективное состояние от моей логики не зависит. Но логически, т. е. объективно, я утверждаю, что неизбежно не только поставить под вопрос эту основную посылку, а отвергнуть ее совершенно.

Неизвестный. Допустим. Но для меня важна не только отвлеченная или, как ты говоришь, объективная истина, а именно субъективная уверенность. Вот к этому имеет отношение и то, что я хотел тебе сказать.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Можно ли назвать верой то, что дают какие бы то ни было рассуждения?

Духовник. Конечно, нет.

Неизвестный. Вот видишь, и ты согласен с бесплодностью рассуждений. Меня, по крайней мере, убедить могут только факты, потому что безусловную уверенность всегда дает опыт. Отвлеченные доказательства в лучшем случае приводят к мысли: а может быть, и так. Если бы «логика» в отвлеченных вопросах имела силу математических доказательств, тогда – да, она могла бы заменить факты. Но этого нет. И если я не знаю, что тебе возразить, из этого не следует, что ты убедил меня. У меня силу твоих рассуждений подтачивает мысль: а как же другие? Сколько великих ученых не имеют веры и признают только материальный мир. Неужели им неизвестны эти рассуждения? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны были бы стать верующими. Ведь все признают, что Земля движется вокруг Солнца и

что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Значит, бессмертие – не математическая истина. Эти соображения превращают для меня твою истину в простую возможность. Но возможность в вопросах веры – это почти ничто.

Духовник. Представь себе, я согласен со многим из того, что ты сказал. Но выводы мои совсем иные. Прежде чем говорить об этом, уклонюсь в сторону: об ученых и математических доказательствах. Ведь нам с тобой придется говорить о многом, и это пригодится.

Вот ты сказал о неверующих ученых, что в тебе их имена подтачивают веру. Но почему тогда имена верующих великих ученых не подтачивают безусловной твердости твоего неверия? Почему ты также не хочешь сказать: «Неужели им неизвестны рассуждения *неверующих* людей? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе *все* должны бы стать *неверующими*. Ведь тебе известны слова Пастера: «Я знаю много и верую, как бретонец, если бы знал больше – веровал бы, как бретонская женщина».

Ты прекрасно знаешь, что великий физик Лодж, председательствуя в 1914 году на международном съезде естествоиспытателей, заявил в публичной речи о своей вере в Бога. Ты знаешь, что наш Пирогов в изданном после его смерти «Дневнике», подводя итог всей своей жизни, говорит: «Жизнь-матушка привела, наконец, к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие неопиты, и не без борьбы, верующим... Мой ум может ужиться с искреннею верою. И я, исповедуя себя весьма часто, не могу не верить себе, что искренне верую в учение Христа Спасителя... Если я спрошу себя теперь, какого я исповедания, – отвечу на это положительно – православного, того, в котором родился и которое исповедовала моя семья... Веру я считаю такою психологическою способностью человека, которая более всех других отличает его от животных...»

А Фламарион, Томсон, Вирхов, Лайель? Не говоря уже о великих ученых, философах и писателях. Неужели все эти великие ученые чего-то не знали, что знаешь ты, и неужели они знали меньше, чем рядовой современный неверующий человек? Почему эти имена не заставляют тебя сказать о *неверии* хотя бы то же, что ты говоришь о вере: «Эти соображения превращают для меня неверие в простую возможность»?

Теперь о математических истинах. Даже здесь не так все «безусловно», как тебе кажется. Иногда элементарные математические истины находятся в видимом противоречии с математическими истинами высшего порядка. В элементарной геометрии мы знаем «математическую истину», что все точки двух параллельных линий отстоят друг от друга на равном расстоянии. Но высшая математика утверждает, что параллельные линии в бесконечности пересекаются. Из элементарной арифметики мы знаем «математическую истину», что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Но механика утверждает, что сумма сия от перемены их мест меняется.

Вернемся теперь к вопросу о значении рассуждения в деле веры. Да, ты прав, когда говоришь, что безусловную веру может дать *опыт*. Не факты, а именно *опыт*. Каждый факт можно взять под сомнение. *Опыт* – дело другое. Опыт и есть самое твердое основание веры. Таким образом, из твоей верной оценки относительно значения отвлеченных рассуждений, вывод должен быть такой: пока у человека не будет религиозного опыта, ни факты, ни рассуждения не дадут ему настоящей веры. Без этого опыта он может лишь «допускать» истинность того, чему учит вера, но всегда с оговоркой: «а может быть, и не так». Если ты видишь солнце своими собственными глазами, неужели твоя уверенность, что оно существует, хоть сколько-нибудь зависит от того, что его видят и другие. И неужели, если бы большинство потеряло способность видеть солнце и стало утверждать, что его нет, ты поколебался бы в том, что видел собственными глазами, и стал бы говорить о солнце, что, «может быть», оно существует.

Неизвестный. Но я не понимаю, какой «опыт» может дать уверенность в бессмертии.

Духовник. Тот внутренний опыт, который у религиозных людей столь же несомненен и так же утверждает для них реальность невидимого, как утверждает для тебя реальность видимого «опыт» твоих внешних чувств.

Неизвестный. Скажи подробнее, что ты разумеешь под этим внутренним опытом?

Духовник. Внутреннее чувствование своего духовного бессмертного начала.

Неизвестный. Но солнце видят все, а «чувствование», о котором ты говоришь, имеют «некоторые».

Духовник. Да. И на это есть свои причины. Большинство людей живет недуховной жизнью. Высшее таинственное начало в человеке, которое именуется *духом*, остается вне их жизни. Естественно, что теряют они и самое чувствование своей духовной природы. Оно совершенно заслонено и подавлено реальными чувственными впечатлениями и переживаниями. Все они живут телесною жизнью, и потому все имеют чувственный опыт. Но не все живут духовной жизнью, и потому не все могут иметь духовный опыт. Надо глубоко заглянуть в свой внутренний мир. Надо вызвать к жизни заглушенное духовное начало, надо начать питать его духовною пищею, и тогда мало-помалу в этих внутренних переживаниях все несомненное раскроется реальность души, подлинность вечного в ней начала, существенное различие в человеке его телесности и того, что не подлежит тлению. Все, что касается внутренней жизни, трудно выразить словами. Поэтому трудно «описать» и тот *опыт*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.